

Сделка. Глава I. Шарк

Ергин Сергей

Сергей Ергин

Сделка. Глава I. Шарк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69690880

SelfPub; 2023

Аннотация

Главный герой – переговорщик с террористами высшего класса. Ему приходится переступить через моральные нормы, установленные в обществе, и всё для того, чтобы спасти заложников. В первой главе на задании он встречается с убийцей своего отца. Сможет ли главный герой преодолеть ненависть и собраться с силами для успешных переговоров? Простит ли он убийцу отца? Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Сергей Ергин

Сделка. Глава I. Шарк

– ты очень странный...

меня это пугает.

– все люди странные,

в этом их прелесть!

Каждый раз, когда я еду на переговоры с террористом, нахожусь в своих мыслях; пытаюсь представить его характер, внешность, манеру поведения, культуру, веру исповедания и привычки. Часто я не угадываю, но этот процесс кажется мне интересным – коротать поездку до назначенного места.

– Приехали, сэ-эр. – с ухмылкой, как бы подражая американским фильмам, которых пересмотрел в прошлую ночь, сказал мой водитель.

– Спасибо. – ответил я, не проронив ни одной лишней эмоции. Сегодня утром возникла ссора с моей женой, старшая дочь опоздала по моей вине в школу, а младшая и вовсе чуть не попала под колёса автомобиля. По всем этим причинам, настроение было, как никогда, ужасным, но не взирая на эти проблемы, моей задачей так и осталось разговаривать

с ублюдками, и совсем не понятно, что творится у них в голове.

Часто погода подсказывает удачное ли будет дело или нет. Сейчас же на улице пасмурно, но лучи солнца все же проскакивают меж огромных тёмно-серых туч, будто неведомое существо пытается намекнуть – в этом ужасном мире есть что-то хорошее. Перестав глядеть в небо, я осмотрелся: двухэтажное здание, если мне не изменяет память, раньше в нем располагалась школа, несколько полицейских палаток и множество разных по званию “сослуживцев”, носившихся с одного места на другое, словно начался дождь, а муравьи не успели спрятаться и теперь выискивают безопасное место. Я подошёл к одной из палаток.

– Здравия желаю, Андрей Александрович. Генерал-Майор Нестеров Иван Максимович ожидает вас в комнате для допросов. Прошу пройдемте за мной.

Отдав честь, не спросив ни имени, ни звания данного полицейского, я молча побрёл за ним. Бегло осмотрел внутренне обустройство палатки и мне на глаза попала видеозапись с камер наблюдения. Хоть качество и было ужасным, так как данная картинка передается через наружную камеру на столбе, я смог разглядеть примерное расположение мебели, заложников и террористов.

– Один... Два... Три... Четы... – говорил я шёпотом, пытаясь сосчитать количество заложников и сбивая всех окружающих меня полицейских с толку.

– Андрей Александрович, у нас мало времени, стоит поспешить. – перебил мои подсчеты всё тот же неизвестный для меня человек.

– Иду. – ответил я уже более амбициозно, ведь моя работа – единственное, что давало искру и поджигало меня изнутри.

Мы прошли буквально метров пять и передо мной уже виднелась та самая комната, с тем самым Генерал-Майором. Если говорить откровенно, то мне плевать на звание, поэтому многие “высокие чины” считают меня бестактным.

– Разрешите доложить. – настойчиво и громко сказал незнакомец.

– Сразу понятно, что он пытается произвести впечатление. – пробормотал я очень тихо, почти про себя.

– Говори скорее. – спокойным голосом произнес Иван Максимович.

– По вашему требованию я сопровождал Панникова Андрея Александровича прямиком к вам, также принёс характеристику главного террориста в данном захвате заложников. Им является Рахимулах Садо Фаридович по прозвищу “Шарк”.

В этот момент, в ту же секунду, как я услышал его прозвище, по всему телу побежали мурашки, сердце забилося с такой скоростью, что его стук могли слышать все в этой палатке, в это мгновение всё мое лицо покрылось тонким слоем пота и покраснело. Я вспомнил разговор со своим отцом:

– Андрюш, мальчишки не должны плакать, я скоро вер-

нусь. – сказал мой папа с улыбкой на глазах.

– Поскорее бы ты вернулся. – со слезами, которые закатывались ко мне в рот, я не переставал повторять это.

– Поскорее бы ты вернулся, поскорее бы ты вернулся...

– Андрюша, ха-ха-ха, я ведь даже не ушёл.

Напоследок он крепко меня обнял и помахал рукой. Это моё последнее воспоминание о нём. Его широкая спина, выбритая голова, коричневый рюкзак, военный костюм и черные высокие сапоги – все последние воспоминания об отце уходили вместе с ним на Афганскую войну. Несколько ночей я рыдал, как младенец, потерявший свою мать, и думал лишь о его улыбке. Не помню никакой черты лица, только улыбку... Только она делала моего отца особенным. И спустя десятки лет, я уверен – он знал, что не вернется. Ни одного звонка, письма, любой, даже самой маленькой весточки и намека, что жив – ничего не было. Единственный конверт, который пришел в наш дом – документ о его смерти. 1987 – год, полностью мною забытый, начиная с февраля и заканчивая декабрём. Ближе к новому году, мы с мамой отошли от этой новости. В тот же месяц я решил перечитать то письмо и увидел внизу строчку: “Убит в плену Афганской вооружённой группировкой под предводительством командира “Шарк”. Все эти годы меня не отпускало неизвестное прозвище, пытался найти информацию, но все безуспешно, и только спустя 22 года мне поручают задание – переговорить с террористом, с убийцей моего отца.

– С вами всё хорошо? Вы готовы услышать его досье?

– Да, извините, я вас слушаю. – с непоколебимым лицом, как по крайней мере казалось мне, но с полной бурей эмоций внутри, произнес я.

– Рахимулах Садо Фаридович, сорок восемь лет, родился в Афган...

Во время чтения его досье, я был в своих мыслях.

– А что если зайти и сразу пристрелить его? – думал я у себя в голове.

– ...терные привычки – постоянно кусает но...

– Наверняка он издевался над моим папой. – всё также преследовали меня такие мысли

– ...авное тебе не постра...

– Всё! Нужно собраться с мыслями! – произнёс я шёпотом, и Иван Максимович услышал это бормотание.

– Андрей Александрович, вам все ясно?

– Да, вполне. – обнадеживающе сказал Ивану Максимовичу, при это сам думая: “Ладно, разберусь и придумаю что-нибудь на месте, всё же 10 лет опыта за спиной”.

– Ну, если всё понятно, тогда мы вас сопроводим до входа в здание. Капита-а-ан! Зайдите!

Послышались ровные шаги за дверью, и спустя секунд 5 дверь открылась.

– Возьми команду и сопроводите Андрея Александровича к входу в здание. Приказ ясен? – проговорил Иван Максимович.

– Так точно! – произнёс всё тот же неизвестный человек, но теперь я знаю его звание – капитан.

Прошло будто пару секунд, и я уже стоял у входа в здание. Меня встретил один из террористов и, не говоря ни слова, используя лишь жесты, которые я едва мог понять, повел за собой. Здание полуразрушено, стены все в покрытых мхом и плесенью трещинах, пол представляет из себя песок и гравий, но иногда видны и бетонные плиты, потолок сделан из дерева и постоянно слышны трески и разные звуки. Сильный интерес у меня завлекла лестница: она сделана в стиле замков при императорах, раньше, уверен, была покрыта позолотой, но даже сейчас является будто бы священной в этом здании – на ней нет ни одной даже самой маленькой трещинки, лишь потертости на поручнях и полу.

По всему первому этажу стояли террористы. Они одеты все одинаково: черная балаклава, военный костюм, черный ремень и такие же черные сапоги. Их наряд немного напоминает мне отца.

Я поднялся на второй этаж и передо мной открыли двери.
– Вот он! Убийца моего отца. – подумал я про себя.

В открытой позе сидел полный мужчина, на его лице борода, причем такая густая, похожая на виноградные лозы, шрам на лице, а его наряд почти никак не отличался от других террористов, единственное – на нем не было балаклавы. Садо постоянно прикусывал свой нож и вертел его как только мог, возможно, что он так себя успокаивал. Его взгляд

абсолютно тёмных глаз поразил меня – сам дьявол смотрит на меня через этого ублюдка.

– Проходи! – строго и злобно произнёс Садо.

– Спасибо.

– Как тебя звать, бача?

– Называйте меня Андрей.

– Меня звать Садо. Для чего ж ты пришёл ко мне? Поговорить?

– Извиняюсь, если могу сказать, что-то не так. Я хотел бы обсудить о высвобождении заложников. Хотелось бы услышать ваши условия.

– Куда ты так торопишься, Андрей? Давай сначала поговорим? – настойчиво, но как бы “по-дружески” обращался ко мне Садо.

– Как вам будет удобнее. – сделав голос более льстивым, сказал я ему.

– Какой вере ты принадлежишь? Чем живёшь? Кто тебе самый важный: Ватан или Мать? – Садо не давал мне времени отвечать, поэтому я терпеливо слушал его вопросы и запоминал.

– Начну с того, что я уважаю любую веру и любого человека, кто живёт правильно, без грехов. Сам я не верую в бога, но прислушиваюсь к заповедям и законам, ведь они исходят из благих намерений. Живу работой своей, стараюсь спасти людей. С самого детства я был слабым, но очень говорливым, и всего хотел принести пользу этому миру. Про-

шу прощения, не знаю Афганского языка, но самое важное и ценное, что есть у меня – это жена, две дочки и родители. – говорил я не торопясь

Спокойно выслушав мой монолог, Садо немного призадумался и ответил: “Мне нравится твои мысли, бача. Я хожу в Масджид, уважаю свою семью и людей вокруг. Больше всего люблю свой народ и Ватан, по этой причине около 20 лет назад я защищал свою землю”.

– Для вас убийство, во имя жизни, не грех? – с опаской, но с огромным интересом задал я этот вопрос.

– Хах, а ты умён. Да, для меня это не грех. Я спасаю своего брата, при этом убивая врага. Это не грех, это подвиг! – гордо сказал Садо.

– Понял вас. Еще раз извините, мой вопрос может прозвучать грубо. Почему вы постоянно прикусываете нож?

– Не важно. – произнёс Садо.

Я чувствую, что между нами присутствует напряжение. Надо что-то придумать и сблизиться. Но что же?

В комнате возникло неловкое молчание, и время уже шло на секунды. “Если я что-то не придумаю, то меня могут выгнать или пристрелить! Нужно быстрее думать!” – говорил я про себя. Скрежет зубов об лезвие ножа, высмаркивающийся террорист в углу комнаты, тяжёлое дыхание заложников и звук передёргивающегося затвора на автомате – всё это мешало мне думать и создавало дополнительное напряжение.

– Сколько вам лет? – торопливо сказал я, пытаюсь нала-

дить ситуацию.

– 50 лет отроду. – он был спокоен, не то, что я.

– Я младше вас на 16 лет. Невероятно.

– Что же здесь невероятного? – с интересом спросил Садо.

– Раньше я мог общаться только с людьми одного возраста или младше. А сейчас мне интересно разговаривать с вами. Вы похожи на моего отца... – сказал, но думал про себя: “Какой ты человек? Ты – ублюдок”.

– Спасибо, а я будто общаюсь со своим сыном. Его звали Тери... – с отчётливой грустью в голосе произнёс он.

– Я слышу что, что-то не так.

– Да, он погиб. Тери был взят в плен русскими солдатами во времена войны в 80-х. Ему ж тогда было только 13...

Скупая мужская слеза проронила с глаза Садо. Он скукал по своему сыну. Тери – мой ровесник. Сложно переварить эту информацию.

– Садо же ни в чём не виноват. Он мстил за сына. – думал про себя.

– Всё. Этого достаточно знать тебе.

Минуту мы молчали. Он – за сына, я – за отца. После разговор продолжился.

– А знаешь, Андрей, ты похож на него. Смотрю и вспоминаю его карие глаза и такие же кудри. Только вот кожей он был темнее.

– ...

– Ты мне понравился. Не испугавшись вооружённых лю-

дей, пришёл ко мне, чтобы поговорить. Это достойно уважения. – сказал Садо и протянул мне руку.

Я видел в его глазах доброту и честность, поэтому пожал ему руку. Хоть нам и запрещают как-либо взаимодействовать физически с террористами, но не мог ему отказать. Я простил Садо.

– Что ж, Тери... извини, Анрий, за одну просьбу готов отпустить всех заложников.

– Я весь во внимании.

Мы встали и подошли поближе к ним. Заложников было 17 штук и все они лежали в мешках, только иногда пошевеливаясь, и если, террористы замечали это, то их сразу начинали избивать. Я увидел на глазах, как чёрный мешок бьётся в агонии от боли и вопли, которые перебивались кашлем, скорее всего кровавым.

Садо протянул мне пистолет.

– Там два патрона.

– Что мне с ними делать?

– Я хочу помочь тебе. Спаси свою душу и убей двух неверных. – сказал он, имея ввиду заложников.

Был я готов к этому? Нет. Как же тут правильное поступить? Убью Садо – не прощу себя, да и застрелят меня уж, и заложников тут же всех, а террористы сбегут. В комнате было всего 3 террориста и их главарь, двоих я смогу убить и Садо тоже обезврежу, но что делать с третьим? Какое-то безвыходное положение у меня. Разве убить двоих заложни-

ков, ради других пятнадцати – это правильно? Как же много вопросов, и как же мало ответов. Чёрт. Даже если убью двоих “неверных”, меня посадят за решётку свои же сослуживцы. Я же просто переговорщик, почему должен решать судьбу других людей? Этим должен заниматься другой человек, но точно не я. У меня две прекрасные дочки и прелестная жена, самая лучшая женщина, которую только можно встретить в этом ужасном и неправильном мире. Как они смогут выжить без меня?

– Похоже самое верное решение – пустить себе пулю в голову. – подумал я про себя.

– Ты как-то долго думать, Анрий. Или ты хочешь обидеть меня?

– Давайте поговорим и придём к более надёжному и правильному решению проблемы.

– Нет. Ни в коем случае. Я решил, что будет так.

– Вы же понимаете, что вам это не поможет и мне тоже. Я хочу, чтоб вы поняли мои мысли и прислушались к ним.

– Нет и еще раз нет. – чуть ли не криком сказал Садо. Он достал нож из зубов и держал его крепко в руке. Я понимал, еще одно неверное слово и стану просто кровавым мешком.

Атмосфера хуже некуда. На меня давит Садо, заставляет это сделать. Но я не могу так, это противоречит всему в моей голове, в особенности влияет на решение и моя семья.

Я закрыл глаза. Мурашки побежали по коже. Глубокий вдох... выдох. Выстрел! Еще один! Меня оглушил звук из

пистолета, хотя стрелял из него чаще, чем виделся с дочками. Я убил двух заложников, которые ни в чём не провинились. Прошло около двух минут.

Открыл глаза. Никого рядом не было. Только 15 мешков с живыми людьми и 2 мешка с дыркой и, выливающейся каждую секунду все больше и больше, кровью. Я услышал топот по лестнице – группа захвата. От пережитого стресса сознание отключилось и моё тело, как те мешки с заложниками, упало на пол.

Никогда прежде со мной такое не случалось. На всех предыдущих заданиях или меня выгоняли террористы после неудачных переговоров, или всё проходило гладко и я находил с ними общий язык. Но не в этот раз.

Погода не соврала. Дело прошло с частичным успехом, а единственное, что я смог сделать из хорошего – простить убийцу отца. Смогу ли простить себя за смерть тех двух заложников, кто погиб от моей руки? Не знаю, увидим в будущем.

Меня привели в чувство. Голова очень сильно кружилась, но не смотря на это я поднялся на ноги. Теперь мне предстоит поехать в офис, чтобы дать показания.

Закончив операцию и покидая здание, я чувствовал смешанные эмоции. С одной стороны, я был облегчен, что удалось помириться с человеком, который лишил меня отца и навсегда изменил мою жизнь. С другой стороны, глубокое чувство вины пронизывало меня, горячей волной заливая

каждую клетку моего существа.

В жестоком мире силовых структур, в котором я работал, смерть и насилие были неизбежным свидетелем моей профессии. Я знал, что каждый раз, когда выхожу на задание, сталкиваюсь с возможностью потерять жизни невинных людей, не сопряженные с тем, за что я сражаюсь. Но все равно, это не претерпеть убийство было для меня непереносимо.

Шагая по улице, ощущая нагрузку волны эмоций, я осознал, что мои переговоры с террористами превратились во что-то большее, чем просто способ снять напряжение и закончить операцию. Это превратилось в борьбу за понимание, за человечность, за возможность перемирия.

Я всегда верил, что диалог – мощнейшее оружие. Было множество случаев, когда удалось убедить террористов выйти на свет и отказаться от своих злых планов. Но иногда, как в этот раз, это становилось невозможным. Этот террорист был слишком утвержден в своих убеждениях, слишком слеп к человеческому страданию, чтобы услышать мой зов к разуму.

Я знал, что время от времени приходится брать на себя роль исполнителя, чтобы спасти безвинных. Это была жестокая реальность, которую я не мог утверждать или опровергать, она просто была. Но понимание этого не делало легче принять решение, чтобы защитить несчастных заложников.

Сквозь горечь поражения я осознал, что моя работа имеет свою цель и смысл. Может быть, я не смог вывести на

путь истинный этого одного террориста, но я сделал все возможное, чтобы убедить его изменить свое сознание и спасти остальных заложников.

Возвращаясь в офис, я знал, что мир не идеален, и никогда не будет. Будь то сражение с терроризмом или внутренняя борьба, важно помнить, что мы делаем все возможное, чтобы сделать мир безопаснее и лучше для каждого.

И я принял решение. Решение простить себя. Проклятье, которое я нес на своих плечах, было громадным, но я научился принимать его. Быть переговорщиком с террористами означало принять ответственность как за успех, так и за провал. И я не мог позволить этому грузу отпустить меня.

Я вошел в офис, чувствуя на себе взгляды всех присутствующих. Все знали о моей неудаче, о моей ошибке, которая стоила жизни двух заложников. Но я не собирался скрываться. Я был готов дать показания, рассказать все, что знал, чтобы помочь в поимке террористов, которые все еще свободно гуляли по улицам.

В комнате ожидал комиссар, готовый записать мои слова. Я приступил к рассказу, пытаюсь вспомнить каждую деталь, каждое слово, которое произнесли террористы. Это было как пазл, которым я должен был собрать воедино, чтобы обнаружить скрытые зашифрованные сообщения и получить хоть какую-то подсказку о том, где могли находиться террористы.

Мои показания продолжались около часа, и всё это время я вспоминал ужасное событие, которое произошло перед

моими глазами. Убийство невинных людей, чья жизнь была в моих руках. Я не мог отпустить себя от этого груза, но я должен был найти силы простить себя и двигаться дальше.

Когда закончил свой рассказ, я сел на стул и почувствовал, как из меня постепенно уходит напряжение. Мои коллеги в офисе смотрели на меня с состраданием и поддержкой. Я понимал, что они все здесь, чтобы помочь мне пройти через это испытание.

Один из моих коллег, Сережа, подошёл ко мне и поставил руку на мое плечо. "Ты сделал все возможное, чтобы спасти этих людей," – сказал он тихим голосом. "И мы все знаем, что ты продолжишь делать все возможное, чтобы предотвратить еще одну такую трагедию. Террористы не смогут скрываться надолго. Мы найдем их".

Андрей всегда рассматривал Сережу как своего надежного и необычного друга. Их дружба началась ещё в первый день работы вместе, когда Сережа был единственным, кто приветствовал его и подарил ему улыбку.

Необычная внешность Сережи только подчёркивала его необычность. Один волос был у него черным, а другой – белым и такими были всего его волосы. Андрей часто находился в сомнении, стоило ли ему доверять человеку, с такой-то внешностью, но с течением времени он понял, что такая внешность – всего лишь забавная деталь. Важным было то, что Сережа всегда был на его стороне, поддерживал его в самые трудные моменты.

Андрей с удовольствием проводил свободное время со своим другом, осознавая, что Сережа является прекрасным партнером по жизни. Они разделяли общие интересы и страсти, и могли обсуждать абсолютно все, не боясь осуждения.

Странностям Сережи герой находил очарование. Его безудержный смех над несмешными вещами вызывал заразительный эффект, и Андрей не мог не улыбаться при таких моментах. Их совместные приключения и шутки были настолько специфичны, что никто другой их не понимал. Иногда они занимались самыми странными вещами, но всегда оставались верными друг другу.

Сережа всегда стоял рядом в трудных ситуациях. Когда Андрей ощущал усталость и разочарование в этой жизни, Сережа был тем, кто дарил ему силы и мотивацию. Он доказывал, что даже во время хаоса и опасности, дружба и поддержка могут помочь преодолеть всё.

Андрей благодарил Сережу за то, что он всегда видел в нем не только простого переговорщика, но и человека со своими недостатками и мечтами. Он уважал его странности, потому что они делали их дружбу ещё более особенной и непредсказуемой.

Так продолжалась их дружба на протяжении многих лет. Они были самыми непохожими друзьями, но именно в этом состоял их секрет успеха. Вместе они были готовы преодолеть любое препятствие и противостоять любой опасности. Их дружба была прочной и надежной, словно стальная связь,

которая никогда не ослабевала.

Слова Сережи проникли в мое сердце. Я знал, что он прав. Я не мог допустить, чтобы эта трагедия определила мою жизнь. Я должен был идти вперед, использовать свой опыт и навыки, чтобы предотвратить будущие атаки и защитить людей.

Следующие несколько дней я посвятил анализу всех имеющихся данных, пытаюсь найти хоть какую-то подсказку о местонахождении террористов. Каждый индикатор, каждая маленькая подробность могла оказаться ключом к разгадке. Я работал на износ, не спал, питаюсь только кофе и едой, которую приносила моя жена, хоть обычно готовлю я.

Моя жена поддерживала меня, как могла. Я плакал при ней, она знала, что я ранимая душа. И каждая неудачная операция заканчивается именно этим. Мои дочери не знали об этом, перед ними я был предметом подражания – сильным и непоколебимым, но в то же время добрым и понимающим. Я очень любил свою жену и дочерей.

Однако даже после нескольких долгих дней ответов я так и не нашел. Террористы действовали слишком хитроумно, оставляя минимум следов за собой. Но я не сдавался, я знал, что многое зависит от меня и что их остановка – это моя миссия.

Одним утром, когда я только начал анализировать следующий кусок информации, мой телефон прервал тишину в моём кабинете – специально оборудованной рабочей пло-

щадки. Я быстро протер глаза и взял телефон.

– Алло? – произнес я сквозь сонный голос.

– Андрей, это Иван Максимович, – ответил мой начальник, – у нас важное собрание через час. Тебя ждут в комнате конференций.

Мое сердце забилося быстрее. Похоже, я нашел след, который привел меня к этому моменту. Я радостно встал, нацепил пиджак и собрал свои вещи в сумку.

Проходя по коридору к комнате конференций, я размышлял о том, кто мог быть таким важным и уверенным в своем решении созвать меня здесь. Вряд ли это только мое начальство, потому что они всегда были довольно формальны в своем общении. Мои мысли были прерваны, когда я приблизился к двери комнаты конференций.

Открыв дверь, я увидел несколько мужчин, сидящих вокруг стола. Некоторых из них я узнал сразу – высокий, стройный мужчина в форменном костюме, известный как Михаил Григорьевич, главный руководитель специального отряда. Но наряду с ними были и другие незнакомые люди, одетые в форменные костюмы, с напряженными мимиками на лицах.

Здравствуйте, Андрей, – сказал Михаил, вставая из-за стола, – рад, что ты присоединился к нам. Позвольте представить Ричарда, заместитель мэра города, и Давида, эксперта по борьбе с терроризмом.

Очень приятно познакомиться, – сказал я, рукопожатия-

ми приветствуя Ричарда и Давида.

Нас вызвали сюда в связи с информацией о следующем нападении террористов, – продолжил Михаил, – последняя атака была самой непредсказуемой. Нам нужен специалист, чтобы разобраться в их методах и намерениях.

Нам вновь нужен переговорщик, – добавил Ричард, – кто-то, кто способен понять и вступить в контакт с террористами. Нам нужен мозг и голос, может быть именно тебе это удастся сделать, музыкант.

История прозвища "Музыкант" начала свое развитие с первого неудачного задания Андрея. В то время он был молодым и неразвитым переговорщиком, только начинающим свою карьеру в силовых структурах.

Андрей был назначен на важную миссию – переговорить с группой террористов, угрожавших взорвать заложников в знаменитом концертном зале. Вооруженный только своими навыками манипуляций и способности уловить эмоциональную состоятельность, он отправился на место происшествия с трепетом в душе.

Однако все пошло не так, как планировалось. Андрей оказался перегруженным слишком мощной эмоциональной атмосферой вокруг него. Заложники были на грани паники, террористы явно не желали слушать какие-либо предложения и были замкнутыми в себе.

Переговоры шли напрасно, время истекало. Террористы угрожали уничтожить заложников за каждый неправильный

шаг Андрея. Чувствуя огромную ответственность на своих плечах, Андрей всё больше и больше погружался в состояние тревоги.

Внезапно он заметил фортепиано в одном углу зала. Воспользовавшись этим, Андрей решил освободить свой разум от обычных ограничений и страха, чтобы установить контакт с террористами на интуитивном уровне.

Переговорщик начал играть на фортепиано, создавая гармонии и мелодии, переполняющие пространство зала. Музыка расположила всех вокруг к миру, сняла напряжение и вдохновила террористов на искупление.

С каждой нотой, всё больше волнения и тревожных мыслей в голове Андрея уходили. Его музыка напоминала симфонию, которая приносила что-то особенное, магическое в непростую ситуацию. Ранее неразговорчивые террористы начали осознавать внутреннюю гармонию и постепенно открывать свои души.

Террористы в конечном итоге сдались, отпустили заложников и сдались властям. Миссия Андрея была успешно завершена, хоть и с отклонениями от первоначального плана. Но эта неудача помогла ему обрести новую силу и понять себя как переговорщика, способного использовать необычные методы для достижения своих целей, иногда даже несоответствующие нормам морали.

С того дня профессионалы и коллеги стали называть Андрея "Музыкант".

– Также мы перевели тебе зарплату и премию за освобождение части заложников, – сказал Иван Максимович, – надеюсь эти деньги помогут тебе принять решение и помочь нам. Понимаю, что несколько дел подряд – утомительное дело как для тела, так и для душевной части человека. Если откажешься, я тоже пойму тебя.

– Не будем тебя задерживать, тебе предстоит еще множество раздумий – добавил Ричард, – еще хочу сказать, что при твоём положительном ответе, с нашей стороны будет предоставлена денежная компенсация.

– До свидания – ответил я и покинул комнату конференций.

Андрея снова начали преследовать разные мысли. Он знает, что приходить повторно к террористам может быть как очень успешно, так и очень плачевно. Андрей не хочет рисковать, не хочет повторения того ужасного дня в его карьере. “Это может повториться”, “Нужно ли мне рисковать?”, “Думаю, лучше отказаться, всё-таки мне нужен отдых”, “Я не смогу продолжать дело, пока не буду стоять на полностью выпрямленных ногах” – думал у себя в голове Андрей. Переговорщика можно понять. Если вам придётся убить двух человек, хоть и ради спасения других, большинство из вас не сможет спокойно спать без лишних мыслей. Но Андрей был другим, он повидал много смертей. И как кажется мне, единственное, что не хочет переговорщик – это подставлять хоть и плохого, но человека, которого он простил.

– Угадай кто – радостно прозвучал крик Сережи, закрывшего мои глаза.

– Придурок – сказал я спокойным голосом.

– Ха-ха-ха, не угадал – ответил Сережа, – я дурак.

– Нет, придурок – я дал более правильное определение своему другу.

– Ты чего такой грустный? – с ехидной улыбкой смотрел на меня Сережа. После чего двухсекундная пауза и громкий смех на весь коридор, ведь только этот человек может так шутить. Это очень глупо, но весело.

– Я тебя ненавижу – сквозь смех проговаривал я, но говорил это от большой братской любви к нему.

– Я всё же решил не браться за дело, конечно, когда приду домой, я еще подумаю, но мне кажется, что решение не изменится. – немного успокоившись рассказал я Сереже.

– Ты прав, тебе нужен отдых, а то ты слишком никчёмный, да ведь? – ответил Сережа, махнув рукой и уйдя прочь от меня. Через пару метров он повернулся и улыбнулся самой широкой улыбкой, которую я когда-либо мог увидеть в своей жизни.

– Правда придурок. – ответил я шёпотом.

Я пришёл домой, рухнул на кровать, никого не было дома. Посмотрев в телефон на свой банковский счет, увидел зачисление суммой на 720 тысяч рублей. Решил на следующий день снять их и большую часть пожертвовать в фонды. Я не достоин этих денег, но жить тоже надо будет на что-то.

Я начинаю засыпать и в полусне понимаю: “Моё искупление и спасение души было вовсе не в убийстве заложников, а в дальнейшей помощи другим. Я никогда не помогал заложникам и простым людям после их спасения. Я понял, что отныне буду им помогать, даже после операций. Спасибо, Садо, ты открыл мне глаза”

Данное задание Андрей не стал продолжать, но зато понял одну хорошую вещь – гордыня Садо не такая и плохая вещь, она по-крайней мере открыла глаза Андрею о своих грехах. В будущем музыкант будет более смелым, ведь после этого задания он перенял гордыню Садо. Обернется ли это в его плюс или станет минусом?